ДВА СЛОВА

ВЪ ЗАЩИТУ

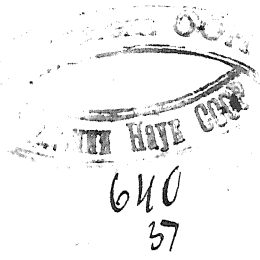
БИБЛЕЙСКОЙ ИСТОРІИ

ПРИ СВѢТѢ НОВѢЙШИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ И ОТКРЫТІЙ.

А. П. ЛОПУХИНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1894

Извлечено изъ «Библейской исторіи Новаго Завѣта».

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 31 мая 1894 года.

Цензоръ Архимандритъ *Тихонъ*.

ВЫНУЖДЕННАЯ ОТПОВѢДЬ ДВУМЪ КРИТИКАМЪ.

Выступая предъ публикой съ тѣмъ или другимъ произведеніемъ, всякій авторъ тѣмъ самымъ отдаетъ себя на судъ общественнаго мнѣнія, и не въ правѣ претендовать, если не всѣ голоса, выражающіе это мнѣніе, отзовутся о произведеніи именно такъ, какъ хотѣлось бы его автору. Послѣдній, съ трудомъ выносивъ свое дѣтище, всегда предрасположенъ цѣнить его выше, чѣмъ оно заслуживаетъ въ дѣйствительности, и потому ему больно бываетъ подчасъ встрѣчать жесткіе и неодобрительные отзывы, которые иногда какъ обоюдоострое оружіе проходятъ въ самое его сердце. Но такова уже неизбѣжная доля всякаго автора. Онъ долженъ быть готовъ ко всему, и въ утѣшеніе себѣ можетъ приводить развѣ тотъ общеизвѣстный, исторически засвидѣтельствованный фактъ, что даже величайшіе писатели никогда не были встрѣчаемы современниками съ тѣмъ восторгомъ, съ какимъ къ нимъ относятся позднѣйшія поколѣнія. Даже такіе литературные геніи, какъ Байронъ и Пушкинъ, должны были выдержать ожесточенную бурю критицизма, прежде чѣмъ предъ ихъ могучимъ геніемъ смолкла вся мелочность и злоба ихъ ожесточенныхъ критиковъ. Нечего говорить послѣ этого объ обыденныхъ произведеніяхъ обыденнаго пера, которое можетъ выставить за себя лишь то или другое достоинство самаго труда, да цѣнность потраченнаго на него времени. Не обошлось безъ непріязненныхъ отзывовъ и наше произведеніе. Правда, мы можемъ съ самоудовлетвореніемъ сказать, что наша книга въ общемъ принята была съ большимъ сочувствіемъ и доброжелательствомъ какъ со стороны духовной, такъ и свѣтской печати, которая привѣтствовала въ ней появленіе труда, способнаго въ извѣстной степени удовлетворить назрѣвшую потребность общественной мысли. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сочувственные отзывы заходили даже дальше, чѣмъ мы въ состояніи принять ихъ или чѣмъ заслуживаетъ по своимъ достоинствамъ самый трудъ; но и не принимая всѣхъ этихъ похвалъ, разсыпавшихся намъ съ разныхъ сторонъ, мы утѣшаемъ себя мыслью, что значитъ нашъ трудъ во всякомъ случаѣ неизлишенъ и хотя отчасти удовлетворяетъ извѣстному запросу общественной мысли. И мы, конечно, не будемъ останавливаться на разсмотрѣніи этихъ отзы-

вовъ, о которыхъ достаточно съ признательностью упомянуть какъ о такихъ, которые поддерживали въ насъ бодрость, давшую намъ возможность такъ или иначе закончить этотъ немалый трудъ. Насъ больше интересуютъ другого рода отзывы, въ которыхъ сказалось иное отношеніе къ нашему труду, именно, отношеніе отрицательное, и эти отзывы интересуютъ насъ не столько какъ личные голоса отдѣльныхъ критиковъ, а какъ выраженіе воззрѣній извѣстной общественной среды. Такихъ отзывовъ мы имѣемъ въ сущности два, которые, исходя изъ двухъ противоположныхъ лагерей, имѣли очевидную цѣль набросить тѣнь сомнѣнія на достоинство нашего труда. На нихъ мы и остановимся, съ цѣлію по возможности спокойно выяснить, насколько основательны эти отзывы какъ въ своихъ частностяхъ, такъ и въ общихъ выводахъ. Собственно говоря, мы могли бы спокойно оставить безъ вниманія и эти отзывы; но такъ какъ въ нихъ вопросъ ставится настолько широко, что затрогивается самое существо дѣла, то оставить ихъ безъ опроверженія значило бы вредить самому дѣлу, которое по самой его новости у насъ безусловно нуждается въ защитѣ его отъ нападеній недоброжелательной или предубѣжденной критики.

Первый изъ разсматриваемыхъ двухъ отзывовъ принадлежитъ неизвѣстному критику, укрывшемуся на страницахъ «Историческаго Вѣстника» подъ иниціалами *С. А—въ* [1]). Насъ не особенно интересуетъ разгадка, кто это такой, хотя авторъ повидимому тщательно старался заместь слѣды своей личности, такъ какъ на обложкѣ журнала въ общемъ оглавленіи выступаетъ уже подъ иниціалами *А. С—въ*, и мы отнюдь не склонны относиться къ подобному укрывательству критика съ такимъ безпощаднымъ осужденіемъ, какъ это дѣлалъ Шопенгауеръ [2]); но во всякомъ случаѣ было бы лучше имѣть дѣло съ открытымъ противникомъ, смѣло и съ сознаніемъ своего достоинства выступающимъ на поле критическаго состязанія, чѣмъ съ такимъ, который предпочитаетъ выступать въ маскѣ, не дающей возможности различить, кто онъ такой и заслуживаетъ ли серьезной борьбы съ нимъ. Впрочемъ, самое перо служитъ достаточнымъ опредѣленіемъ того, къ какому разряду принадлежитъ нашъ критикъ. Это очевидно одинъ изъ представителей той нарождающейся у насъ въ подражаніе западу среды, въ которой отрицательная библейская критика принимается какъ нѣчто такое, что должно быть принимаемо съ полною вѣрою въ ея непогрѣшимость. Такъ какъ наша книга имѣетъ своею ясно и опредѣленно поставленною цѣлью «воспользоваться новѣйшими изслѣдованіями и открытіями для опроверженія крайнихъ выводовъ отрицательной критики», то эта именно цѣль прежде всего и не понравилась нашему критику. Онъ такъ прямо и начинаетъ свою критическую статью: «На долю г. Лопухина выпало столько похвалъ за его послѣдній трудъ, что онъ, надѣемся, не посѣтуетъ на насъ, если мы, не тратя времени и мѣста на диѳирамбы, прямо приступимъ къ указаніямъ на тѣ немаловажные недостатки, которые кидаются въ глаза при чтеніи его книги каждому, занимавшемуся тѣми же вопросами, какъ и г. Лопухинъ. Начнемъ съ того, что авторъ поставилъ себѣ цѣлью доказать, что все, о чемъ разсказывается въ Библіи, есть несомнѣнная истина, и историческіе факты, заключающіеся въ ней, такъ же непреложны, какъ и нравственное ея ученіе. *Но съ этимъ никакъ нельзя согласиться*». Ну, конечно,—вотъ еслибы мы поставили своею цѣлью доказать, что историческіе факты, о которыхъ разсказывается въ Библіи, не имѣютъ историческаго значенія, что все это есть плодъ народной фантазіи, — что

---

[1]) См. „Историческій Вѣстникъ“, авг. 1890 г. стр. 463—466.

[2]) См. его брошюру о Слогѣ и писательствѣ, въ русск. перев. 1893 г. стр. 22 и слѣд.

исторія сотворенія человѣка, грѣхопаденія, потопа, смѣшенія языковъ—имѣетъ значеніе лишь настолько, насколько въ ней сквозь миѳическую мглу можно разсмотрѣть извѣстныя нравственныя истины, то нашъ критикъ былъ бы вполнѣ доволенъ, потому что это какъ разъ соотвѣтствуетъ той точкѣ зрѣнія, на которой онъ стоитъ, взобравшись на плечи западныхъ ученыхъ отрицательной школы. Вѣдь эта, выдвигаемая авторомъ, теорія, что «боговдохновеніе священныхъ книгъ оказывается именно въ области морали и вѣры» — при томъ толкованіи, какое придаетъ ей критикъ, есть лишь весьма неискусная покрышка для полнаго отрицанія историческаго достоинства Библіи, и съ нею вполнѣ согласится даже такой библеистъ, какъ Ренанъ и ему подобные. Намъ конечно извѣстно, что такой теоріи держатся и весьма почтенные западные богословы-библеисты и, напр. въ области вопросовъ естественноисторическихъ, даже такой извѣстный изслѣдователь ихъ какъ Рейшъ, авторъ классическаго въ своемъ родѣ сочиненія «Библія и природа»; но въ томъ-то и дѣло, что эта теорія для своего правильнаго примѣненія требуетъ весьма тонкаго пониманія дѣла, основательнаго взвѣшиванія фактовъ, а для этого отнюдь недостаточно двухъ-трехъ оригинальныхъ фразъ, хотя бы заимствованныхъ даже у Баронія. Фраза нашего критика, что «врядъ ли Духъ Святой, вдохновляя священныхъ писателей, имѣлъ въ виду раскрывать научныя истины или писать всеобщую исторію»—прямо таки и изобличаетъ всю грубость пониманія имъ выдвигаемой теоріи. Конечно—«не имѣлъ въ виду раскрывать научныя истины или писать всеобщую исторію», но вмѣстѣ съ тѣмъ еще несомнѣннѣе то, что и при отсутствіи этой цѣли сообщенные св. писателями въ общедоступной, ненаучной формѣ истины и историческіе факты въ томъ и проявляютъ свою боговдохновенность, что они находятся въ полнѣйшемъ согласіи съ наиболѣе достовѣрными научными открытіями какъ въ области природы, такъ и исторіи. Достаточно указать на то, что всѣ главнѣйшіе факты первобытной Библейской исторіи, столько разъ подвергавшіеся самой ожесточенной критикѣ разныхъ теоретиковъ, находятъ себѣ поразительное подтвержденіе въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ, и историческая достовѣрность ихъ выступаетъ тѣмъ яснѣе, чѣмъ глубже сама наука проникаетъ въ тайны природы и первобытной исторіи. Къ выясненію и подтвержденію этой истины и направлена вся наша книга.

Критикъ, впрочемъ, полагаетъ, что и мы въ одномъ пунктѣ склоняемся къ его точкѣ зрѣнія, именно по вопросу о библейской хронологіи, заявляя, что «хронологія какъ, не имѣющая прямого отношенія къ основнымъ началамъ вѣры и нравственности, есть предметъ второстепенный въ Библіи, точное опредѣленіе ея не входило въ задачу бытописателя, а предоставлено усмотрѣнію разума и познаніямъ науки». Критикъ торжествуетъ, приведя это мѣсто, и удивляется, какимъ образомъ мы не провели эту мысль послѣдовательно и въ приложеніи къ другимъ фактамъ. Но при этомъ онъ не досмотрѣлъ одного, что библейская хронологія вовсе не есть категорически сообщаемый фактъ, что въ своемъ общемъ выводѣ она въ дѣйствительности есть результатъ научныхъ изслѣдованій, а не дѣло боговдохновеннаго хронолога. Намъ даны только отдѣльныя числа, которыя и принимаются какъ факты, а самые выводы изъ нихъ уже дѣло чисто человѣческихъ вычисленій и соображеній, и если отъ сотворенія человѣка до Р. Х. считается 5,508 лѣтъ, то эта цифра отнюдь не библейскій фактъ, а именно результатъ позднѣйшихъ вычисленій, которыя поэтому могутъ подлежать той или другой провѣркѣ. Вотъ почему западная церковь держится совершенно иного счисленія (4,004 г.), которое нисколько не вмѣняется ей въ ересь и отнюдь не стоитъ въ противорѣчіи съ Библіей, потому именно, что Библія не даетъ хронологическаго опредѣленія всей исторіи. Упрекая насъ въ непослѣдова-

тельности, критикъ здѣсь именно и проявилъ всю грубость и непродуманность своего понимания выдвигаемой имъ съ чужихъ словъ теоріи. Не придавая принятой библейской хронологіи безусловно историческаго значенія, мы однако настаиваемъ на ней—не просто по «упорству», какъ думаетъ критикъ, а потому, что при всей своей неопредѣленности эта хронологія все-таки въ общемъ находится въ неизмѣримо большемъ согласіи съ несомнѣнными данными исторіи и археологіи, чѣмъ фантастическія вычисленія тѣхъ ученыхъ, которые путаются въ милліонныхъ цифрахъ при опредѣленіи исторической давности существованія человѣка на землѣ. Въ своей книгѣ мы приводимъ достаточно данныхъ въ доказательство того, какъ эти милліоны часто разсыпались отъ неожиданныхъ открытій, изобличавшихъ всю фантастичность подобныхъ вычисленій. А между тѣмъ критикъ продолжаетъ: «Вѣдь это упорство привело г. Лопухина къ великому абсурду. Стараясь всѣми способами уменьшить древность памятниковъ египетскихъ и вавилонскихъ, онъ нашелъ, что они могутъ уводить насъ не далѣе какъ за 3000 лѣтъ до Р. Хр. Дойдя до такого результата г. Лопухинъ торжествовалъ—оказалось, что между сотвореніемъ міра и появленіемъ древнѣйшихъ государствъ прошло $2^1/_2$ т. лѣтъ, было, слѣдовательно, достаточно времени для размноженія рода человѣческаго и развитія цивилизаціи. Но авторъ немножко не досмотрѣлъ: вѣдь за 3000 лѣтъ до Р. Христова произошелъ потопъ, уничтоживший всѣхъ людей, кромѣ Ноя съ семьей, и всѣ цивилизаціи, кромѣ вѣры въ Единаго Истиннаго Бога. Какъ же сразу послѣ потопа могла появиться цвѣтущая держава Мены и высоко развитая вавилонская культура?! Такое противорѣчіе между фактами и библейской хронологіей заставляетъ совершенно отказаться отъ нея и вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, какую цѣну имѣютъ ухищренія г. Лопухина всѣми правдами и неправдами поддержать букву Библіи». Трудно бы собрать еще больше передержекъ и нелѣпостей, чѣмъ ихъ собрано въ этой небольшой тирадѣ нашего критика. Дѣло въ томъ, что прежде всего онъ играетъ цифрами съ непозволительною легкостью. Даже если мы въ точности примемъ цифры обычной библейской хронологіи (хотя для этого, какъ сказано выше, нѣтъ достаточныхъ основаній), то все-таки дѣло обстоитъ иначе, чѣмъ излагаетъ критикъ. Потопъ произошелъ въ 2262 г. отъ сотворенія человѣка, слѣдовательно за 3246 л. до Р. Хр. Значитъ, если памятники египетскіе и вавилонскіе уводятъ насъ не далѣе какъ за 3000 лѣтъ до Р. Хр., для развитія цивилизаціи еще остается цѣлыхъ $2^1/_2$ вѣка. А это вполнѣ достаточно для ея развитія въ виду того, что тутъ не было надобности вновь создавать ее, а нужно было только насадить и распространить готовую культуру, которая въ лицѣ Ноя и его сыновей имѣла опытныхъ носителей, обладавшихъ всѣми необходимыми знаніями и средствами (и даже готовыми домашними животными). Отрицать возможность этого, значитъ отрицать наглядный примѣръ Америки или Австраліи, которыя изъ дикихъ странъ преобразились въ цивилизованныя отнюдь не болѣе, какъ въ такой же или даже меньшій промежутокъ времени. А если мы примемъ во вниманіе тотъ фактъ, что даже и 3000-лѣтнюю древность не всѣ ученые признаютъ за Египтомъ и Вавиломіей, то значитъ для развитія въ нихъ цивилизаціи будетъ больше, чѣмъ достаточно времени. Конечно, иронизируя надъ нашимъ положеніемъ, критикъ исходитъ изъ того воззрѣнія, что основаніе державы Мены относится за 5700 л.; но держаться этого воззрѣнія — значитъ или самому не знать, или нарочито вводить читателей въ заблужденіе умолчаніемъ того факта, что послѣдняя цифра вовсе не есть историческая аксіома, и касательно времени основанія этой державы первоклассные ученые расходятся болѣе чѣмъ на цѣлыхъ 3000 лѣтъ (какъ это и указано въ нашей книгѣ—I т. стр. 154, 155). Такимъ образомъ если кто «не досмотрѣлъ немножко», то

это именно нашъ скороспѣлый на выводы критикъ, всячески ухищряющійся «правдами и неправдами» поддержать излюбленную имъ теорію.

Оставаясь вѣрнымъ себѣ, нашъ критикъ затѣмъ негодуетъ на насъ за то, что мы не признали пресловутой теоріи дѣленія Пятокнижія на документы «елогиста и еговиста», будто бы раздѣляемой теперь «всѣми серьезными учеными», въ томъ числѣ, конечно, и критикомъ. Правильнѣе было бы сказать — «всѣми учеными, игнорирующими новѣйшія открытія клинописи», такъ какъ эти открытія, представляя совмѣстное существованіе обоихъ названныхъ документовъ въ древнѣйшихъ памятникахъ, совершенно смѣшали ряды этихъ теоретиковъ, такъ что неизвѣстно еще, когда они выпутаются изъ этого неожиданнаго затрудненія. Принимать же эту теорію въ ея теперешнемъ разбитомъ видѣ, когда трудно указать двухъ ученыхъ, которые бы совершенно сходились между собою въ распредѣленіи между двумя классами такъ-называемыхъ документовъ даже важнѣйшихъ мѣстъ, значило бы, оставляя положительную почву, хвататься за призракъ, готовый постоянно исчезнуть совсѣмъ. Даже форму «Іегова» мы принимали повсюду вмѣсто рекомендуемой критикомъ формы *Ягвехъ* потому, что послѣдняя доселѣ составляетъ весьма проблематическій результатъ сомнительныхъ догадокъ, а не положительный, окончательно удостовѣренный фактъ.

Мы могли бы привесть и еще нѣсколько примѣровъ передержекъ и крайностей въ небольшой статьѣ нашего критика (напр., хотя бы его упрекъ намъ, будто мы «постарались урѣзать возвышенность религіи и морали египетской», между тѣмъ какъ въ дѣйствительности ей отдана полная дань на страницахъ нашей книги и приведены даже почти тѣ же самыя выдержки изъ древней религіозной системы египтянъ, которыя приводитъ и онъ въ «опроверженіе» насъ), но довольно и приведеннаго для характеристики пріемовъ нашего критика. Вся его статья есть искусственное сплетеніе одностороннихъ соображеній, имѣющихъ своею цѣлью показать, что вотъ-де какъ учитъ истая наука на западѣ, и съ этой стороны она весьма знаменательна. Найдя себѣ мѣсто въ весьма популярномъ историческомъ журналѣ, находящемъ себѣ широкое распространеніе среди нашей интеллигенціи, она тѣмъ самымъ служитъ показателемъ того, съ какою настойчивостью результаты отрицательной библейской критики стремятся проникнуть въ эту среду и какъ необходимо слѣдовательно заблаговременное противодѣйствіе этой тенденціи. Такъ какъ наша книга имѣетъ своею цѣлью именно дать противовѣсъ этой опасной тенденціи, то думаемъ, появленіе ея было отнюдь не излишнимъ для нашей библейско-исторической литературы, которая доселѣ, какъ намъ извѣстно, еще ни разу не пыталась представить апологетическій матеріалъ этого рода въ такомъ широкомъ объемѣ, какъ это сдѣлано въ нашей книгѣ. Если критикъ отрицательнаго лагеря съ раздраженнымъ негодованіемъ старается представить нашу книгу какъ собраніе натяжекъ и искаженій, какъ трудъ, «дающій русской публикѣ совершенно превратное понятіе объ изученіи Библіи на западѣ», то это показываетъ только, что мы попали въ самую цѣль, и тѣмъ самымъ встревожили зарождающійся у насъ муравейникъ отрицательной критики.

Если такимъ образомъ анонимный критикъ отрицательнаго лагеря остался недоволенъ нашей книгой, то это вполнѣ естественно, такъ какъ иначе и не могло быть. Кое общеніе свѣту ко тьмѣ? — Но уже нѣсколько удивительнымъ оказался тотъ фактъ, что другой неодобрительный и прямо недоброжелательный отзывъ вышелъ изъ среды нашей духовной науки — отъ проф. казанской духовной академіи Я. Богородскаго. Самое положеніе критика заставляетъ насъ подольше остановиться на разборѣ его отзыва, тѣмъ болѣе, что въ немъ

вопросъ сводится на широкую и даже принципіальную почву, и ребромъ ставится вопросъ о самомъ понятіи Библейской исторіи, которому будто бы не соотвѣтствуетъ наша книга, хотя и носящая такое именно названіе. «Что такое Библейская исторія»?—задаетъ нашъ критикъ въ своей статьѣ вопросъ, и такой вопросъ, несмотря на его элементарность, какъ оказывается, нуждается въ нѣкоторомъ разъясненіи [1]).

Нѣсколько странно, конечно, послѣ того, какъ мы уже десятки лѣтъ оффиціально употребляемъ извѣстное названіе науки, изучаемъ ее въ среднихъ и высшихъ школахъ, пишемъ ученыя изслѣдованія по ней, вдругъ задавать себѣ вопросъ: да что же это за наука и какъ понимать самое ея названіе? Но въ дѣйствительности это именно такъ. Фактъ едва ли утѣшительный, и онъ во всякомъ случаѣ можетъ навести на мысль, что намъ, по степени нашего научнаго развитія, рано заниматься самой наукой, а необходимо еще уяснить себѣ, что означаетъ названіе той или другой науки и какъ опредѣлить кругъ тѣхъ предметовъ, которые входятъ въ нее, однимъ словомъ, заняться еще тѣмъ, что можно назвать азбукой научной номенклатуры. Но разъ этотъ фактъ существуетъ, необходимо считаться съ нимъ. Поставивъ читателямъ вопросъ: «что такое Библейская исторія»? проф. Богородскій старается дать и отвѣтъ на него, и изъ даваемаго имъ отвѣта видно, что дѣйствительно уясненіе этого предмета необходимо если и не для тѣхъ, кто пишетъ «Библейскія исторіи», то по крайней мѣрѣ для тѣхъ, кто читаетъ и критикуетъ ихъ.

Что же такое Библейская исторія? Посѣтовавъ на насъ, что мы ни въ своемъ «Руководствѣ», ни въ своей «Библейской исторіи» не сочли нужнымъ объяснить, что такое та наука, по которой мы пишемъ, и что мы разумѣемъ подъ ея названіемъ, критикъ вдается въ довольно подробный анализъ этого названія и находитъ, что съ терминомъ «Библейская исторія» соединяется далеко не столь опредѣленное понятіе, какъ, напр., какое соединяется съ понятіемъ термина «церковная исторія» или «русская исторія». Послѣ довольно продолжительнаго (и — прибавимъ—не совсѣмъ яснаго) разсужденія на эту тему, авторъ приходитъ наконецъ къ тому выводу, что Библейская исторія есть «исторія по Библіи»; но такъ какъ при этомъ неизбѣжно возникаетъ вопросъ: «исторія — чего же именно», то критикъ находитъ себя вынужденнымъ взглянуть на Библію «въ самомъ общемъ ея содержаніи», и находитъ, что содержаніемъ ея служатъ памятники, свидѣтельствующіе о Богѣ и Его отношеніяхъ къ міру и о человѣкѣ въ его отношеніяхъ къ Богу. А такъ какъ изъ этихъ отношеній слагается *религія*, то и значитъ, что «Библейская исторія есть исторія истинной религіи по руководству и духу Библіи» (въ томъ періодѣ, спѣшитъ оговориться критикъ, который обнимается библейскими сказаніями). Такъ вотъ значитъ, какъ нужно понимать Библейскую исторію и какъ нужно писать ее.

Въ общемъ мы ничего не имѣемъ противъ такого взгляда на Библейскую исторію, и онъ намъ, напротивъ, кажется совершенно резоннымъ, имѣющимъ свое извѣстное основаніе не только въ особомъ воззрѣніи на эту науку, но и такъ сказать въ освященной временемъ практикѣ, такъ

[1]) Свою статью проф. Богородскій напечаталъ въ „Правосл. Собесѣдникѣ“, май — іюнь 1890 г. Съ своей стороны мы тогда же дали отвѣтъ ему въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ №№ 39 и 40 за 1890 г. Такъ какъ проф. Богородскій, не ограничиваясь кругомъ читателей журнала, нашелъ нужнымъ дать своей статьѣ болѣе широкую огласку, издавъ ее отдѣльно и пустивъ въ оборотъ на широкомъ книжномъ рынкѣ, то этимъ самымъ онъ поставилъ и насъ въ необходимость прибѣгнуть къ подобной же мѣрѣ самозащиты и, выводя свой отвѣтъ за предѣлы журнала, дать ему мѣсто въ концѣ самой защищаемой книги. Отвѣтъ воспроизводится здѣсь лишь съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями.

какъ такой именно взглядъ былъ преобладающимъ въ нашей духовной школѣ и не разъ высказывался и повторялся въ школьныхъ учебникахъ и руководствахъ. Но если нашъ уважаемый собратъ хочетъ сказать (какъ онъ и дѣйствительно говоритъ), что это только и есть истинный и исключительный взглядъ на Библейскую исторію какъ науку, то мы сразу же и рѣшительно возстаемъ противъ этого. Такой взглядъ обнаруживаетъ въ нашемъ критикѣ странную односторонность и узкость, которая отнюдь не оправдывается характеромъ и сущностью науки. Говоря такъ, нашъ критикъ впалъ въ грубое заблужденіе, будто бы Библейская исторія можетъ быть разсматриваема и излагаема только подъ однимъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія и только съ одной исключительной точки зрѣнія. Въ дѣйствительности Библейская исторія можетъ быть разсматриваема съ весьма различныхъ точекъ зрѣнія и вслѣдствіе этого по необходимости получаетъ различный характеръ и интересъ. Въ этомъ отношеніи она съ научной точки зрѣнія находится совершенно въ одинаковомъ положеніи со всякой другой исторіей, будь то «русская исторія» или «церковная исторія». Напрасно нашъ критикъ воображаетъ, что терминъ «Библейская исторія» даетъ то именно опредѣленное понятіе, какое соединяетъ съ нимъ онъ; онъ такъ же не даетъ этого понятія, какъ не даютъ въ сущности точнаго и опредѣленнаго понятія и такіе термины, какъ «русская исторія» и «церковная исторія». Все дѣло зависитъ отъ того, съ какой точки зрѣнія и съ какою цѣлію приступаетъ авторъ къ ея изложенію. Въ параллель аргументаціи нашего критика, мы можемъ пояснить эту мысль конкрентнымъ примѣромъ. По мнѣнію г. Богородскаго, выраженіе «русская исторія» тожественно съ выраженіемъ «исторія Россіи»; но въ дѣйствительности оказывается, что наши знаменитѣйшіе историки не всѣ раздѣляютъ его мнѣніе, и если, напримѣръ, Соловьевъ такъ именно переводитъ этотъ терминъ, то другіе, какъ, напримѣръ, Карамзинъ называетъ свою русскую исторію «Исторіей *государства* россійскаго», Полевой—«Исторіей русскаго *народа*», и т. д., каждый по своему. Эта варіація въ толкованіи одного и того же понятія отнюдь не случайная, и она напротивъ находится въ тѣснѣйшей связи съ той точкой зрѣнія, съ которой тотъ или другой авторъ смотрѣлъ на русскую исторію. А эта точка зрѣнія, въ свою очередь, кладетъ рѣзкій отпечатокъ на весь историческій трудъ, и русская исторія Карамзина, напримѣръ, имѣетъ совершенно другую физіономію, преслѣдуетъ иныя цѣли и пользуется вслѣдствіе этого инымъ матеріаломъ, чѣмъ, напримѣръ, русская исторія Полевого или еще болѣе — Костомарова. Каждая изъ нихъ есть плодъ извѣстной исторической школы, извѣстнаго состоянія исторической науки и, наконецъ, извѣстнаго общаго міросозерцанія. Если Карамзинъ въ своей русской исторіи весь свой интересъ сосредоточивалъ на судьбахъ русскаго государства, то въ этомъ вполнѣ отразилось господствовавшее въ его время историческое воззрѣніе, по которому рѣшающее значеніе въ исторической жизни болѣе придавалось внѣшней формѣ, чѣмъ внутреннему содержанію, — воззрѣніе, которое съ большимъ развитіемъ народнаго самосознанія должно было уступить мѣсто другому, противоположному, что главнѣйшій факторъ исторической жизни есть не государство, а самъ народъ, который изъ своего внутренняго бытія развиваетъ и извѣстныя, соотвѣтственныя его характеру государственныя формы. И вотъ выразителемъ этого новаго историческаго міросозерцанія и выступилъ Полевой, придавшій вслѣдствіе этого своей русской исторіи названіе «Исторіи русскаго *народа*». Совершенно по тѣмъ же причинамъ русская исторія можетъ и еще видоизмѣнять свой характеръ, смотря по тому, какіе именно интересы по преимуществу будетъ преслѣдовать ея авторъ, такъ что современемъ, быть можетъ, у насъ явится и такой типъ русской исторіи, какъ «Исторія русской цивилизаціи» и т. д.

Всѣ эти элементарныя вещи мы говоримъ къ тому, чтобы показать нашему критику, что даже съ такимъ повидимому простымъ и опредѣленнымъ терминомъ, какъ «русская исторія», могутъ соединяться весьма различныя, почти противоположныя понятія; тѣмъ болѣе нельзя подводить подъ одну только точку зрѣнія такой широкій терминъ, какъ «Библейская исторія». Проф. Богородскій категорически утверждаетъ, что Библейская исторія есть «исторія библейской *религіи*», и не можетъ быть иною. Мы съ своей стороны говоримъ, что это лишь *одинъ изъ типовъ* Библейской исторіи и отнюдь не исключительный. Рядомъ съ «исторіей библейской религіи» полноправно можетъ существовать другой типъ Библейской исторіи, именно, въ смыслѣ «исторіи библейскаго *народа*», т.-е. того народа, историческая судьба котораго служитъ предметомъ библейскаго повѣствованія и который являлся избраннымъ носителемъ истинной религіи. Отрицать это значило бы то же самое, какъ еслибы Карамзинъ сталъ категорически утверждать, что русская исторія не можетъ быть иною, какъ только «исторіей *государства* россійскаго»... Знаменитый историкъ, конечно, былъ слишкомъ образованный и ученый человѣкъ, чтобы впадать въ подобную узкую односторонность, которую и не замедлило бы изобличить научно-историческое сознаніе послѣдующаго времени; но нашъ критикъ до того грѣшитъ этою односторонностью, что исключаетъ изъ области Библейской исторіи даже *нравственность*, и по его опредѣленію нельзя бы назвать Библейской исторіей даже такое сочиненіе, гдѣ излагалась бы «исторія *нравственности* по руководству и духу Библіи»; такъ какъ по его буквальнымъ словамъ, въ Библіи содержатся памятники, «свидѣтельствующіе о Богѣ въ Его отношеніи къ міру, и о человѣкѣ въ его отношеніяхъ къ Богу», и только, и будто бы уже не содержится никакихъ другихъ памятниковъ, хотя бы такихъ, которые свидѣтельствовали бы «объ отношеніи человѣка къ человѣку же»! Вотъ до чего можно договориться при послѣдовательномъ проведеніи выдвинутаго г. Богородскимъ понятія о Библейской исторіи.

Если же мы, такимъ образомъ, имѣли полное основаніе смотрѣть на Библейскую исторію какъ на «исторію библейскаго *народа*», то этимъ вполнѣ объясняется и весь характеръ нашей книги. Народъ есть не отвлеченный принципъ, а живой организмъ, который живетъ въ опредѣленныхъ условіяхъ пространства и времени, подвергается различнымъ вліяніямъ—внутреннимъ и внѣшнимъ, входитъ въ соотношенія съ другими народами, въ извѣстныхъ отношеніямъ самъ вліяетъ на нихъ и въ другихъ подвергается ихъ вліянію, создаетъ своеобразныя формы общественной и государственной жизни и вырабатываетъ свою особую культуру, кладущую неизгладимый отпечатокъ на всѣ проявленія его исторической жизни. И вотъ изобразить историческія судьбы этого народа—не въ одномъ только *религіозномъ* отношеніи, а во *всѣхъ* отношеніяхъ его глубокопоразительной и чудесной исторической жизни и было задачей нашей книги, получившей названіе «Библейской исторіи». То, что г. Богородскій считаетъ исключительнымъ предметомъ изложенія Библейской исторіи, именно, религія вошла въ нашу книгу какъ *часть*, хотя и такая, которая по своей важности составляетъ одушевляющій принципъ всей жизни народа. И если нашъ критикъ утверждаетъ, что эта *часть* историческаго содержанія библейскаго повѣствованія можетъ быть названа Библейской исторіею, то тѣмъ съ большимъ правомъ мы можемъ утверждать, что такъ можетъ быть названа и *вся совокупность* содержанія этого повѣствованія, и напротивъ, если онъ далѣе утверждаетъ, что *только эта часть* и должна называться такъ, то онъ утверждаетъ нелѣпость, будто названіе, принадлежащее извѣстному предмету, можно и должно придавать только одной его части (хотя бы и главнѣйшей), а не цѣлому предмету...

Понимая «Библейскую исторію» въ смыслѣ исторіи библейскаго народа, мы затѣмъ уже вполнѣ были вправѣ пользоваться всѣмъ относящимся сюда матеріаломъ такъ, какъ этого требуетъ данное состояніе исторической науки и нашъ личный историческій интересъ. Не могли же мы въ самомъ дѣлѣ, составляя историческую книгу въ 1890 году, руководиться при этомъ тѣми историческими пріемами и взглядами, которые существовали въ наукѣ полстолѣтія тому назадъ, и выдвигать тѣ именно стороны въ предметѣ, которыя болѣе интересуютъ г. Богородскаго, чѣмъ насъ самихъ! А въ настоящее время, если только это извѣстно нашему критику, историческая наука, благодаря огромной массѣ интереснѣйшихъ археологическихъ открытій, пролившихъ свѣтъ на многія дотолѣ темныя стороны историческаго знанія, сама получила въ значительной степени археологическій отпечатокъ и наибольшій интересъ свой сосредоточиваетъ именно на тѣхъ подробностяхъ культурной жизни, которыя и выводятся на свѣтъ Божій археологическими изслѣдователями и благодаря которымъ мы, конечно, и получили впервые возможность проникнуть во внутреннее святилище народовъ сѣдой старины древняго востока. Вслѣдствіе этого «всемірная исторія» нашего времени носитъ на себѣ совершенно иной отпечатокъ, представляетъ собою совершенно иной типъ, чѣмъ какою она была въ то время, когда писалъ свою «всемірную исторію» Шлоссеръ, теперь уже рѣшительно устарѣвшій для нашего времени. «Всемірная исторія» нашего времени есть уже не исторія политики, а исторія по преимуществу внутренней культурной жизни, и передовымъ выраженіемъ этого назрѣвающаго типа исторіи является изданная въ Берлинѣ отдѣльными выпусками «Всемірная исторія» подъ редакціей нѣмецкаго профессора Онкена, — коллективный трудъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ историковъ [1]). Выработанный наукою типъ «всемірной исторіи» есть по необходимости образецъ и мѣрило для всякой частной исторіи, и въ томъ числѣ Библейской, исключать которую изъ цикла историческихъ наукъ никто не имѣетъ ни малѣйшаго права. И вотъ еслибы нашъ критикъ былъ знакомъ съ современнымъ состояніемъ исторической науки вообще, съ ея методами и задачами, то онъ и нашелъ бы, что наша книга представляетъ собою опытъ (насколько удавшійся, это—другой вопросъ) построить «Библейскую исторію» именно по этому новому типу, выработанному общеевропейской наукой. Этимъ вполнѣ объясняется то, что главнѣйшій интересъ въ ней сосредоточивается на выясненіи подробностей исторической жизни отдѣльныхъ лицъ и цѣлаго народа,—подробностей, которыя, взятыя въ отдѣльности, могутъ показаться мелочами, но которыя въ своей совокупности и составляютъ тотъ историческій фонъ, на которомъ развертывается все движеніе исторической жизни и который придаетъ вслѣдствіе этого ту или другую степень наглядности, яркости и даже художественной картинности всей исторіи.

Но это еще не все, что̀ можетъ служить къ оправданію принятаго нами для нашей книги заглавія. Нашъ критикъ воображаетъ, что исторія только и можетъ имѣть форму строго-систематическаго, неуклонно-послѣдовательнаго изложенія фактовъ историческаго повѣствованія, и такъ какъ въ нашей книгѣ нѣтъ этой систематической прямолинейности и нить повѣствованія въ ней то и дѣло прерывается уклоненіями въ излишнія для строгой системы подробности и разъясненія, то онъ полагаетъ, что и въ виду этого наша книга не имѣетъ права на названіе «Библейской исторіи». Но тутъ критикъ опять проявилъ странное незнакомство съ

[1]) Allgemeine Weltgeschichte, von Hathe, Herzberg, Justi, Pflugk-Harttung, Philippson, съ культурно-историческими снимками, портретами, приложеніями и картами. 1-й томъ вышелъ въ 1884 году. Теперь изданіе закончено.

исторической наукой и литературой и какъ будто совершенно не знаетъ, что кромѣ послѣдовательно-систематической исторіи существуетъ и еще типъ исторіи иного свойства, именно «исторіи въ біографіяхъ и очеркахъ», и этотъ типъ имѣетъ одинаковое право гражданства въ наукѣ и въ пользу его можно выставить блистательные авторитеты какъ въ гражданской, такъ и въ церковной и библейской исторіи [1]). Наша книга и принадлежитъ именно къ этому типу, и мы можемъ только удивляться, какъ не сообразилъ этого нашъ критикъ, оказавшійся такимъ образомъ ярымъ отрицателемъ цѣлаго класса исторической литературы и противникомъ высокихъ авторитетовъ исторической науки.

Наконецъ и еще есть оправданіе для нашей книги. Всякій историческій трудъ, помимо его общеисторической задачи, обыкновенно имѣетъ и вправѣ имѣть свою особую, частную задачу, будь то задача критики, назиданія или апологетики и такъ далѣе, и эта частная задача по необходимости кладетъ на историческій трудъ свой отпечатокъ, не лишая его въ то же время общаго характера и типа историческаго труда. Такой задачей нашей книги было, какъ мы прямо говоримъ въ ней, «воспользоваться для защиты библейской истины важнѣйшими изъ новѣйшихъ открытій» въ области древне-историческаго знанія (стр. 50), и въ виду такой, столь ясно выраженной задачи мы уже рѣшительно вправѣ были пользоваться относящимся сюда матеріаломъ во всей его полнотѣ, и отнюдь не считаемъ смертнымъ грѣхомъ, если внесли въ свою книгу и нѣчто такое изъ этого матеріала, что имѣетъ лишь косвенное отношеніе къ главному предмету. Апологетическая литература этого рода на западѣ такъ богата, а у насъ такъ бѣдна, что въ виду громаднаго значенія апологетики этого рода мы, вопреки укору г. Богородскаго, готовы были бы, если бы только это было возможно, дать русскимъ читателямъ еще больше этого глубокоинтереснаго матеріала, и увѣрены, что та признательность, которая уже неоднократно была выражаема намъ за эту книгу и въ литературѣ и частнымъ образомъ, не потерпѣла бы ущерба отъ этого и самая книга не перестала бы быть «Библейской исторіей при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій» [2]).

[1]) Чтобы не ходить далеко за примѣрами, укажемъ въ нашей литературѣ на русскую исторію Костомарова („въ очеркахъ и біографіяхъ“), въ церковной исторіи—*Böhringer*, Kirchengeschichte in Biographien и въ самое послѣднее время новое сочиненіе извѣстнаго англійскаго писателя *Фаррара*, Sketches of Church History in Biography (Lives of the Fathers) 1889 г.; въ библейской исторіи извѣстное сочиненіе Станлея и др. Наконецъ къ тому же типу относятся и собственные очерки г. Богородскаго изъ жизни „Еврейскихъ царей“.

[2]) Нашъ критикъ, замѣтимъ хотя подъ строкой, считая нашу „Библейскую исторію“ невозможной, между прочимъ указываетъ на тотъ отмѣченный нами въ предисловіи фактъ, что западно-европейскіе ученые не даютъ такого связнаго курса Библейской исторіи, какой предприняли мы, и замѣчаетъ, что они „не чувствовали въ себѣ отваги дать такой курсъ по научной осторожности“, такъ какъ-де „это есть дѣло невозможное, если понимать Библейскую исторію правильно“ (т.-е., разумѣется, какъ понимаетъ г. Богородскій). Смѣемъ увѣрить нашего казанскаго критика, что онъ ошибся и въ этомъ отношеніи. Мы можемъ сообщить нашему собрату и критику, что извѣстный ему Вигуру „почувствовалъ отвагу“ въ этомъ отношеніи и началъ писать Библейскую исторію съ такими же снимками и рисунками, какъ и наша. Мы не знакомы еще съ характеромъ этого труда, но напередъ можемъ сказать, что эта Библейская исторія будетъ гораздо больше подходить къ нашей книгѣ, чѣмъ къ тому типу, который выдвигаетъ и считаетъ исключительно правильнымъ нашъ казанскій собратъ (въ скобкахъ можемъ замѣтить, что, къ сожалѣнію, аббатъ Вигуру, какъ онъ сообщилъ намъ письмомъ, отложилъ изданіе этого своего труда на неопредѣленное время, такъ какъ всецѣло отдался труду по редактированію огромнаго Библейскаго Словаря, что всецѣло поглотило его время на нѣсколько лѣтъ).

Чтобы поддержать свое мнѣніе о нашей книгѣ, г. Богородскій въ заключеніе ссылается на авторитетъ «одного высокопросвѣщеннаго и богословски-образованнаго человѣка», который, прочитавъ нашу книгу, воскликнулъ: «скажите на милость, что же это такое (?) Библейская исторія?» Въ противовѣсъ этому мы могли бы сослаться на авторитетъ не одного, а нѣсколькихъ, вѣроятно не менѣе «высокопросвѣщенныхъ и богословски-образованныхъ лицъ», которыя высказывали совершенно противоположный взглядъ на нашу книгу; но мы оставляемъ ихъ въ сторонѣ, и приведемъ нѣсколько параллельный отзывъ иного свойства. Когда въ магазинѣ нашего издателя появился въ свѣтъ огромный трудъ извѣстнаго англійскаго писателя-богослова Фаррара «Жизнь и труды св. апостола Павла», то многіе изъ «невысокопросвѣщенныхъ» покупателей книгъ, не видѣвъ ранѣе въ нашей богословско-исторической литературѣ ничего подобнаго и смотря на этотъ огромный болѣе чѣмъ въ тысячу страницъ томъ, въ наивномъ изумленіи и недоумѣніи спрашивали издателя: «скажите на милость, да чего это такъ много можно написать объ апостолѣ Павлѣ?..» Признаемся, мы не видимъ никакого различія между этими двумя возгласами, и думаемъ, что какъ недоумѣніе казанскаго «высокопросвѣщеннаго человѣка», такъ и недоумѣніе петербургскихъ «невѣгласовъ» вытекло изъ одного и того же источника, именно, полнаго незнакомства съ современнымъ состояніемъ библейско-историческаго знанія.

Тезисъ, въ защиту котораго мы выступаемъ противъ нашего достоуважаемаго собрата, состоитъ, такимъ образомъ, въ томъ, что Библейская исторія, какъ наука, не можетъ быть разсматриваема только подъ однимъ какимъ-либо исключительнымъ угломъ зрѣнія и что, напротивъ, въ этомъ отношеніи она находится въ зависимости отъ общихъ методовъ исторической науки и по необходимости должна отображать на себѣ то или другое ея состояніе. Отрицать это, по нашему мнѣнію, значитъ безъ всякой надобности суживать область библейско-историческаго знанія и даже лишать себя весьма существенныхъ выгодъ, какія могутъ представляться библеисту въ смыслѣ пользованія въ защиту истинъ религіи новѣйшими результатами научно-историческаго знанія. Такъ эта наука стоитъ въ настоящее время въ западномъ христіанскомъ мірѣ, и намъ, при нашей бѣдности въ этомъ отношеніи, при нашей поразительной отсталости, по которой доселѣ не имѣется даже удовлетворительнаго учебника по Библейской исторіи, менѣе всего къ лицу отказываться отъ выработанныхъ тамъ методовъ и результатовъ этой науки. Мы нисколько, повторяемъ, не отрицаемъ законности выставленнаго проф. Богородскимъ понятія Библейской исторіи, готовы даже признать за нимъ (въ богословскомъ интересѣ) преимущество, но отрицаемъ выраженную имъ мысль, будто таковою только и можетъ быть Библейская исторія.

Въ сущности этимъ мы и могли бы ограничиться въ своей вынужденной отповѣди нашему почтенному критику, такъ какъ, надѣемся, уже достаточно сказано въ оправданіе выставленнаго нами тезиса. Къ сожалѣнію, въ статьѣ нашего достоуважаемаго собрата есть и еще одна сторона, которая при всей нашей неохотѣ къ полемикѣ (безполезно отрывающей отъ болѣе положительной работы) заставляетъ насъ еще продлить нѣсколько эту статью. Это именно тотъ пріемъ, которымъ проф. Богородскій пользуется для того, чтобы показать, что наша книга и по своему исполненію есть вещь невозможная. Признаемся, намъ менѣе всего хотѣлось бы вдаваться въ эту сторону дѣла, такъ какъ тутъ приходится лично защищать себя самого, а вести эту защиту гораздо труднѣе защиты общаго принципа уже потому, что такого рода самозащита легче всего способна возбуждать въ читателѣ подозрѣніе въ преобладаніи субъективной окраски на общемъ фонѣ аргументаціи. Но такъ какъ нашъ казанскій собратъ

самымъ тономъ своихъ замѣчаній дѣлаетъ намъ довольно рѣзкій вызовъ на это, то мы не считаемъ себя вправѣ уклониться отъ вызова, и насколько возможно кратко и sine ira отмѣтимъ тѣ пункты, въ которыхъ не считаемъ себя подлежащимъ столь суровому приговору нашего критика.

Прежде всего — два слова вообще о нашей критикѣ. Этотъ родъ литературы у насъ вообще въ большомъ ходу, и мы, русскіе, ярые критики. Въ положительной области мы работаемъ мало, и есть отдѣлы научнаго знанія, по которымъ рѣшительно не имѣется ни одного сколько-нибудь сноснаго учебника, хотя на поприщѣ самой науки трудятся иногда весьма почтенныя силы. Но стоитъ только въ этой заброшенной области явиться какому-нибудь сочиненію, предназначенному хоть въ малѣйшей степени заполнить вопіющій пробѣлъ, какъ сейчасъ же выступаетъ масса критиковъ, которые считаютъ для себя самое появленіе этой книги какбы личнымъ оскорбленіемъ и съ непонятнымъ озлобленіемъ начинаютъ терзать ее со всѣхъ сторонъ. И при этомъ всегда употребляются все одни и тѣ же, весьма однообразные пріемы. Критикъ (иногда даже не прочитавъ хорошенько книги) прежде всего заявляетъ, что содержаніе книги не соотвѣтствуетъ своему заглавію, что авторъ ея не понимаетъ даже азбуки своего предмета, что онъ зашелъ не въ свою сферу и произвелъ невозможную книгу, и въ подтвержденіе этихъ положеній надергаетъ изъ книги отдѣльныхъ мѣстъ, придастъ имъ въ своемъ толкованіи невозможный смыслъ, съ трогательною тщательностью соберетъ всѣ дѣйствительныя или мнимыя противорѣчія, многозначительно намекнетъ на зависимость книги отъ извѣстныхъ критику сочиненій, поставитъ автору въ вину всѣ корректурныя ошибки, по пальцамъ перечислитъ всѣ его вольныя или невольныя прегрѣшенія, выставитъ его сосудомъ всякой нечистоты и скверны и послѣ всего этого съ торжествомъ заявитъ, что вотъ кѣмъ и какъ у насъ пишется исторія. И благо еще тому автору, про книгу котораго суровый критикъ въ концѣ своей статьи соблаговолитъ бросить нѣсколько смягчающихъ замѣчаній, что дескать «тѣмъ не менѣе онъ не отрицаетъ и нѣкотораго значенія за книгой»; большей же части книгъ не выпадаетъ на долю и этого счастья, и авторамъ ихъ остается терзаться въ своей совѣсти сознаніемъ того тяжкаго прегрѣшенія, которое они совершили, издавъ свои книги въ свѣтъ, наивно думая помочь ими въ духовной немощи своихъ собратьевъ. Критика у насъ еще очевидно продолжаетъ носить свой вульгарный типъ поносительной литературы, и въ этомъ мы видимъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ тормазовъ развитія у насъ книжнаго дѣла. Мы постоянно жалуемся, что публика наша равнодушна къ книгамъ, что она не покупаетъ книгъ, и вслѣдствіе этого наши писатели обречены на жалкую участь — вѣчно полуголодныхъ работниковъ, безнадежно тратящихъ свое здоровье и силы на неблагодарный трудъ. Но какимъ же образомъ можетъ быть это иначе, когда мы сами своей ярой критикой только и стараемся о томъ, чтобы подорвать въ публикѣ всякую вѣру въ достоинство вновь выходящихъ книгъ? Этимъ мы отнюдь не хотимъ сказать, что вся эта характеристика всецѣло можетъ быть примѣнима къ критикѣ нашего достоуважаемаго собрата. Это нашъ общій, такъ сказать, національный порокъ, и только какъ такой онъ, къ сожалѣнію, не могъ не отразиться отчасти и въ статьѣ нашего критика. Но обратимся къ частностямъ критическихъ замѣчаній профессора Я. Богородскаго на нашу книгу и, конечно, обратимъ свое вниманіе только на главнѣйшія изъ нихъ.

Весьма существеннымъ обвиненіемъ себя мы признаемъ въ статьѣ нашего критика заявленіе, что мы не понимаемъ «духа древней жизни» (стр. 182 — 3). Конечно, въ общемъ

своемъ видѣ это такого рода обвиненіе, которое по самому своему существу не можетъ быть предметомъ опроверженія; но нашъ критикъ высказываетъ это обвиненіе по частному поводу и этимъ даетъ намъ возможность выставить свои противоположные доводы. Непониманіе духа древней жизни онъ видитъ въ томъ, что мы «съ развязностью употребляемъ современные спеціальные термины для обозначенія предметовъ древне-египетской жизни: школы египетскія называемъ университетами, преподавателей—профессорами, отдѣленія школъ—факультетами, учениковъ—студентами», что-де все «рѣжетъ ухо всякому понимающему духъ древней жизни», и такъ далѣе. На это прежде всего мы можемъ сказать, что спеціальные термины—вещь весьма условная, и употребленіе ихъ не можетъ быть ограничиваемо строгими предѣлами времени. Извѣстный терминъ, хотя и выработавшійся въ новѣйшее время, можетъ быть употребляемъ и въ приложеніи къ древнему времени, если только обозначаемое имъ понятіе находило тамъ нѣкоторое соотвѣтствіе въ дѣйствительности. Въ древнемъ Египтѣ несомнѣнно были высшія школы, въ которыхъ получалось высшее по тогдашнему образованіе, изучались различныя спеціальныя науки (астрономія, медицина, юриспруденція и пр.), были почтенные преподаватели изъ солидныхъ мудрецовъ или ученыхъ и взрослые ученики, готовившіеся къ разнымъ спеціальностямъ практической жизни. Такихъ школъ было не много и онѣ служили центрами умственнаго движенія въ народѣ и вообще составляли въ умственной жизни древняго Египта такой же важный факторъ, какъ и тѣ высшія школы, которыя мы теперь называемъ университетами. Въ виду такой близкой аналогіи намъ отнюдь не кажется большимъ грѣхомъ назвать эти школы терминомъ, съ которымъ мы привыкли соединять опредѣленное понятіе и который поэтому способенъ сразу давать болѣе или менѣе наглядное представленіе о характерѣ древне-египетскихъ высшихъ «школъ мудрости». Но нашъ критикъ рѣзко отрицаетъ всякое сходство между ними и говоритъ, что «между древне-египетскими школами при храмахъ и нашими современными университетами сходства не больше (если не меньше), чѣмъ между старинными лысковскими (?) хлѣбными амбарами и новѣйшими элеваторами американской конструкціи». На это вульгарное сравненіе мы можемъ только сказать, что оно обнаруживаетъ въ нашемъ критикѣ странную неосмотрительность. Послѣдовательно проводя эту аргументацію, мы должны будемъ отрицать для Египта всѣ новѣйшіе научные термины, самыя названія наукъ, какъ астрономія, медицина, геометрія, юриспруденція, такъ какъ несомнѣнно между соотвѣтствующими египетскими и новѣйшими науками различіе столь же большое, какъ и между самыми школами. А между тѣмъ этого никому и въ голову не приходитъ. Даже самые дома въ Египтѣ имѣли совершенно иную конструкцію, чѣмъ наши новѣйшіе дома, и однакоже мы не называемъ египетскихъ домовъ просто неопредѣленными терминами «жилищъ» или «обиталищъ». Единственнымъ оправданіемъ для мысли нашего критика можетъ служить развѣ то, что самый терминъ «университетъ»—новѣйшаго (да въ сущности и не «новѣйшаго», а средневѣкового!) происхожденія,—а самая идея его такъ же древня, какъ древне въ человѣчествѣ стремленіе къ высшему научному образованію. Наконецъ и самое сравненіе египетскихъ высшихъ школъ съ лысковскими амбарами едва ли выдерживаетъ историческую критику. Это были школы, которыя не только служили центрами умственной жизни страны, но и простирали свое вліяніе далеко за предѣлы ея, стягивали въ свои стѣны даровитую молодежь со всѣхъ концовъ цивилизованнаго міра, дали первый научный стимулъ знаменитымъ школамъ Греціи и Рима,—школы, которыя видѣли въ своихъ стѣнахъ Моисеевъ, Пиѳагоровъ, Платоновъ и впослѣдствіи Климентовъ и Оригеновъ. Такія школы очевидно были хорошаго устройства и содержали въ себѣ такое зерно, которое

не всегда оказывается въ достаточномъ количествѣ и въ новѣйшихъ «элеваторахъ американской конструкціи», и по своему значенію вполнѣ соотвѣтствовали нашимъ высшимъ школамъ или университетамъ. Въ виду этого неудивительно, если къ школамъ египетскимъ, какъ и вообще къ древнимъ школамъ, новѣйшій терминъ «университетъ» прилагается иногда весьма почтенными авторитетами въ исторической наукѣ. Что касается вообще древнихъ высшихъ школъ, то такой терминъ постоянно прилагаетъ къ нимъ, напримѣръ, извѣстный англійскій писатель-богословъ Фарраръ, особенно въ своемъ новомъ сочиненіи «Жизнь и труды свв. отцовъ и учителей церкви», а въ отношеніи къ египетскимъ высшимъ школамъ названіе «университетъ» прилагаетъ даже такая общеевропейская знаменитость, какъ Ролинсонъ, сочиненіе котораго о «Пяти восточныхъ монархіяхъ», а также и комментарій на Геродота составляютъ классическій трудъ въ исторической наукѣ по древнему востоку. Намъ думается, что еслибы нашъ казанскій критикъ былъ знакомъ съ этимъ фактомъ, а также и съ тѣмъ, что въ нашей книгѣ жизнь Моисея (въ отдѣлѣ о которомъ мы и употребляемъ спорные термины) по преимуществу изложена именно по новѣйшей монографіи Ролинсона, то онъ воздержался бы отъ тѣхъ рѣзкихъ сужденій, которыя съ такою щедростью разсыпаетъ на нашъ счетъ, впадая въ роль того пресловутаго учителя семинаріи, который свысока раскритиковалъ ученическую проповѣдь, оказавшуюся въ дѣйствительности одною изъ лучшихъ проповѣдей Филарета московскаго... Если Ролинсонъ, по мнѣнію нашего достоуважаемаго собрата, не понимаетъ духа древней жизни, то, признаемся, мы вполнѣ готовы раздѣлять съ нимъ это непониманіе, предпочитая его «пониманію» казанскаго критика.

Затѣмъ профессоръ Богородскій обвиняетъ насъ въ допущеніи въ нашу книгу разныхъ произвольныхъ предположеній, не имѣющихъ никакого основанія въ Библіи. Этого мы не можемъ вполнѣ отрицать, насколько не отрицаетъ законности предположительнаго элемента (по закону вѣроятія) ни одна наука, и тѣмъ менѣе историческая, принужденная часто заполнять пробѣлы лѣтописнаго повѣствованія вѣроятными предположеніями. Допускаемъ даже, что по новизнѣ у насъ этой области библейско-историческаго знанія мы въ этомъ отношеніи погрѣшили отчасти противъ той строгости и точности, которыя требуются самою серьезностью и важностью предмета. Но вмѣстѣ съ тѣмъ думаемъ, что примѣры, приведенные нашимъ критикомъ, крайне неудачны. Такъ, противъ нашего заявленія, что «Моисей намѣревался съ самаго начала пробиться въ Ханаанъ немедленно по оставленіи Египта» и только малодушіе народа сдѣлало это невозможнымъ, вслѣдствіе чего и пришлось повернуть на югъ къ Синаю, нашъ критикъ говоритъ, что «ни одна черта Библіи не даетъ основанія предполагать это» (стр. 188). Между тѣмъ, для этого предположенія есть почти прямое указаніе, именно въ Исх. XIII, 17. Правда, нашъ критикъ старается ослабить силу этого свидѣтельства ссылкой на Исх. III, 12, гдѣ онъ видитъ *повелѣніе* Бога совершить служеніе на Синаѣ, которое и долженъ былъ исполнить Моисей. Но при этомъ нашъ достоуважаемый критикъ самъ допустилъ непозволительную въ экзегетикѣ ошибку, именно смѣшалъ два совершенно различныя понятія— знаменіе и повелѣніе. Въ указываемомъ имъ мѣстѣ мы имѣемъ именно *знаменіе* [1]), которое тѣмъ и отличается отъ повелѣнія, что въ немъ предполагается извѣстный элементъ *неожиданности*, непредвидѣнности, чудесности (какъ, напримѣръ, въ извѣстныхъ трехъ знаменіяхъ

[1]) „И сказалъ Богъ: Я буду съ тобою, и вотъ тебѣ *знаменіе*“ — τὸ σημεῖον, אוֹת, signum, а вовсе не *повелѣніе*.

Саулу, изъ которыхъ онъ долженъ былъ убѣдиться въ истинности предсказаннаго ему высокаго предназначенія), и такимъ образомъ эта непредвидѣнность поворота къ Синаю отнюдь не устраняетъ возможности преднамѣреній Моисея вести свой народъ въ землю обѣтованную прямымъ, издавна протореннымъ трактомъ. Такое смѣшеніе столь различныхъ понятій мы можемъ объяснить въ нашемъ собратѣ только тою поспѣшностью, съ которою онъ писалъ свою критику и въ которой онъ неоднократно укоряетъ насъ, хотя намъ эта поспѣшность была гораздо простительнѣе при написаніи 2,000 страницъ, чѣмъ ему при написаніи какихъ-нибудь двухъ печатныхъ листовъ.

Но въ статьѣ нашего критика мы встрѣчаемъ не только признаки поспѣшности, но и прямо нѣкоторой непозволительной небрежности въ аргументаціи. Относясь вообще съ непостижимою для насъ нелюбовію къ «новѣйшимъ изслѣдованіямъ и открытіямъ», ко всему собранному въ нашей книгѣ внѣбиблейскому матеріалу, авторъ наконецъ въ одномъ мѣстѣ прямо выражаетъ сомнѣніе въ достовѣрности сообщаемыхъ нами свѣдѣній Такъ по поводу сдѣланнаго нами заявленія, что саранча въ Египтѣ, проникая въ дома, «съѣдаетъ все, что сдѣлано изъ дерева», нашъ критикъ смѣло говоритъ (стр. 185): «Признаюсь, не слыхалъ ничего подобнаго. Слыхалъ я, что голодная саранча объѣдаетъ кору на деревѣ и даже пытается глодать древесину молодыхъ побѣговъ; но чтобы она съѣла когда-нибудь самый стволъ дерева до самаго корня—не слыхивалъ». Прежде всего мы должны опровергнуть странное предположеніе нашего критика, будто у египтянъ въ домахъ росли цѣлыя деревья: ничего подобнаго у нихъ не было и ничего подобнаго мы не говоримъ въ своей книгѣ. Мы говоримъ только, что саранча «съѣдала все, сдѣланное изъ дерева» (мебель, косяки дверей и пр.). Если же нашъ достоуважаемый собратъ не слыхалъ ничего подобнаго, то мы можемъ только удивляться, что онъ въ наукѣ руководится столь ненадежнымъ и ограниченнымъ источникомъ, какъ слухи. А между тѣмъ, еслибы онъ отнесся съ меньшею небрежностью къ этому предмету, то узналъ бы, что объ этомъ явленіи «слыхали» весьма многіе изслѣдователи, и не только слыхали, но и записали его въ своихъ сочиненіяхъ. О немъ слыхалъ, напримѣръ, Гейки и записалъ о немъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи по Библейской исторіи [1]); о немъ слыхалъ опять общеевропейски знаменитый изслѣдователь исторіи древняго востока Ролинсонъ и записалъ въ своемъ комментаріѣ на книгу Исходъ [2]); о немъ же слыхалъ и записалъ единственно повидимому извѣстный нашему критику изъ всей этой литературы Вигуру [3]); о немъ же записано наконецъ въ недавно вышедшей въ свѣтъ русской диссертаціи Савваитскаго [4]). Такимъ образомъ оказывается, что изъ всѣхъ серьезныхъ изслѣдователей Библейской исторіи объ этомъ интересномъ явленіи ничего не слыхалъ только нашъ достоуважаемый казанскій собратъ. Въ виду этого мы вполнѣ чувствуемъ себя вправѣ возвратить нашему критику брошенное имъ намъ жесткое слово: «очевидно, г. Богородскій здѣсь не въ своей сферѣ» (стр. 181).

Наконецъ, и этого мало. Въ критической статьѣ нашего собрата мы замѣтили еще одну сторону, предъ которой рѣшительно недоумѣваемъ. Несмотря на то, что мы въ предисловіи къ своей книгѣ ясно указали тѣ сочиненія, которыми мы пользовались при ея составленіи, и опредѣлили самую степень и характеръ этого пользованія, нашъ критикъ не разъ

[1]) Смотри: Hours with the Bible, американское изданіе 1892 г., т. II, стр. 149.
[2]) Exodus, with comm. by G. Rawlinson, изд. епископа Элликота, къ Исх. X, 6.
[3]) Vigouroux, Bible etc. т. II, 357.
[4]) М. Савваитскій, Исходъ изр. изъ Египта, Спб. 1889 г., стр. 153.

многозначительно указываетъ на фактъ нашихъ заимствованій изъ иностранныхъ авторовъ, и сообщаетъ своимъ читателямъ, что мы все заимствовали изъ извѣстнаго ему сочиненія Вигуру, что онъ и подтверждаетъ параллельнымъ сопоставленіемъ заголовковъ соотвѣтствующихъ главъ въ нашей книгѣ и въ книгѣ Вигуру. Одно только ему кажется страннымъ и непонятнымъ, почему мы видоизмѣнили заглавія Вигуру, и онъ тутъ видитъ съ нашей стороны «произволъ, основанный на какомъ-то тайномъ мотивѣ» (стр. 186), такъ какъ вмѣсто принятаго у Вигуру заглавія «гора Синай» мы ставимъ «у горы Синая», вмѣсто «искусство египетское и искусство еврейское» у насъ—«израильское искусство во времена Моисея» и т. д. Прочитавъ это мѣсто, мы, по совѣсти говоря, покраснѣли за нашего достоуважаемаго собрата. Что-нибудь одно: или онъ совсѣмъ не читалъ книги Вигуру, или не читалъ этого отдѣла въ нашей книгѣ, или же наконецъ не читалъ ни той, ни другой книги, ограничившись лишь бѣглымъ сравненіемъ ихъ заглавій. Дѣло въ томъ, что между этими главами Вигуру и соотвѣтствующими главами нашей книги нѣтъ [1]) ничего общаго кромѣ заглавія. У Вигуру глава о горѣ Синаѣ состоитъ изъ 11 страницъ (II, 526 — 538) и вся посвящена рѣшенію вопроса, что такое библейская «гора Синай», вслѣдствіе чего онъ естественно такъ и назвалъ свою главу. У насъ соотвѣтствующая глава состоитъ изъ 14 большихъ страницъ (I, 631—644) и изъ нихъ только $1^1/_2$ страницы посвящены вопросу о томъ, что такое гора Синай, и затѣмъ вся глава посвящена повѣствованію о томъ, что происходило «у горы Синая» (о чемъ у Вигуру нѣтъ ни слова), вслѣдствіе чего мы такъ и назвали свою главу—«у горы Синая». То же самое и съ главой объ искусствѣ, составленной съ иною цѣлію и по другимъ источникамъ, чѣмъ глава у Вигуру. Предъ такимъ критическимъ пріемомъ, повторяемъ, мы рѣшительно недоумѣваемъ, и намъ остается лишь, по картинному выраженію пророка, «посвистѣть и размахнуть руками»... [2]).

Но довольно. Мы не имѣемъ ни времени, ни охоты препираться съ нашимъ казанскимъ критикомъ. Вся его критическая статья, по нашему мнѣнію, есть странное недоразумѣніе. Такъ мы думаемъ не потому, что статья эта жестко относится къ нашей книгѣ (хотя жесткость эту повидимому созналъ въ концѣ-концовъ и самъ авторъ, соблаговолившій утѣшить насъ въ концѣ статьи своимъ замѣчаніемъ, что онъ «не отрицаетъ значенія нашего сочиненія для библіологіи вообще, и даже привѣтствуетъ его, какъ обширный сборникъ научнаго матеріала, во многихъ случаяхъ не только полезнаго, но и драгоцѣннаго для библейскаго историка», стр. 197). Такъ мы думаемъ по выдвинутымъ въ ней воззрѣніямъ и пріемамъ, на которыхъ, къ сожалѣнію, отчасти отразился общій характеръ нашихъ литературно-критическихъ нравовъ. Сами мы не только не считаемъ своей книги совершенствомъ, а напротивъ—сознаемъ ея многочисленные недостатки вѣроятно болѣе, чѣмъ даже нашъ достоуважаемый собратъ, и готовы были бы съ радостью принять всѣ серьезныя и основательныя указанія отъ знающихъ и авторитетныхъ лицъ. Къ сожалѣнію, такихъ указаній мы не нашли въ статьѣ казанскаго профессора и остаемся неудовлетворенными въ этомъ отношеніи.

Въ заключеніе — еще одно послѣднее слово. Составляя свою книгу, мы между прочимъ имѣли въ виду не узкій кругъ спеціальнобогословски образованныхъ лицъ, а болѣе обширный кругъ вообще образованнаго свѣтскаго общества, для котораго въ нашей литературѣ не существуетъ ровно ничего въ этомъ отношеніи, вслѣдствіе чего библейско-историческія познанія въ

[1]) За исключеніемъ главы о религіи.
[2]) Софон. II, 15.

немъ не идутъ далѣе круга школьныхъ «начатковъ свящ. исторіи». Этимъ отчасти объясняется и то, почему мы отводили въ своей книгѣ столь большое мѣсто внѣбиблейскимъ, гражданскимъ даннымъ, полагая, что эти данныя могутъ послужить какбы приманкой для свѣтскаго образованнаго общества познакомиться чрезъ нихъ и съ болѣе серьезнымъ библейско-историческимъ содержаніемъ. И насколько намъ извѣстно (по отдѣльнымъ случаямъ), цѣль эта отчасти достигнута, такъ какъ нашу книгу не безъ охоты или, по крайней мѣрѣ, не безъ любопытства читаютъ и свѣтскія образованныя лица. При теперешнемъ слабомъ развитіи или, вѣрнѣе, полномъ отсутствіи библейско-историческаго интереса въ этомъ обществѣ, въ его среду не можетъ разсчитывать проникнуть никакая другая система Библейской исторіи, хотя бы она неизмѣримо превосходила нашу книгу своими достоинствами въ богословскомъ смыслѣ. Когда же пробудится въ немъ интересъ къ высшему библейско-историческому знанію (а онъ необходимо долженъ когда-нибудь пробудиться во всякомъ именующемъ себя христіанскимъ обществѣ), то явится потребность и въ системахъ высшаго порядка, даже того типа, который проф. Богородскій считаетъ исключительно истиннымъ. А что касается насъ лично, то мы и теперь, вполнѣ сознавая глубокую потребность во всестороннемъ изслѣдованіи и изученіи Библейской исторіи въ нашемъ отечествѣ, съ радостью привѣтствовали бы трудъ, въ которомъ нашъ достоуважаемый собратъ осуществилъ бы практически свое выдвинутое и столь настойчиво проводимое имъ воззрѣніе на Библейскую исторію, хотя и продолжали бы оставаться при своемъ мнѣніи, что это понятіе отнюдь не единственно истинное и что рядомъ съ нимъ полноправно могутъ существовать и другія понятія въ этомъ отношеніи.